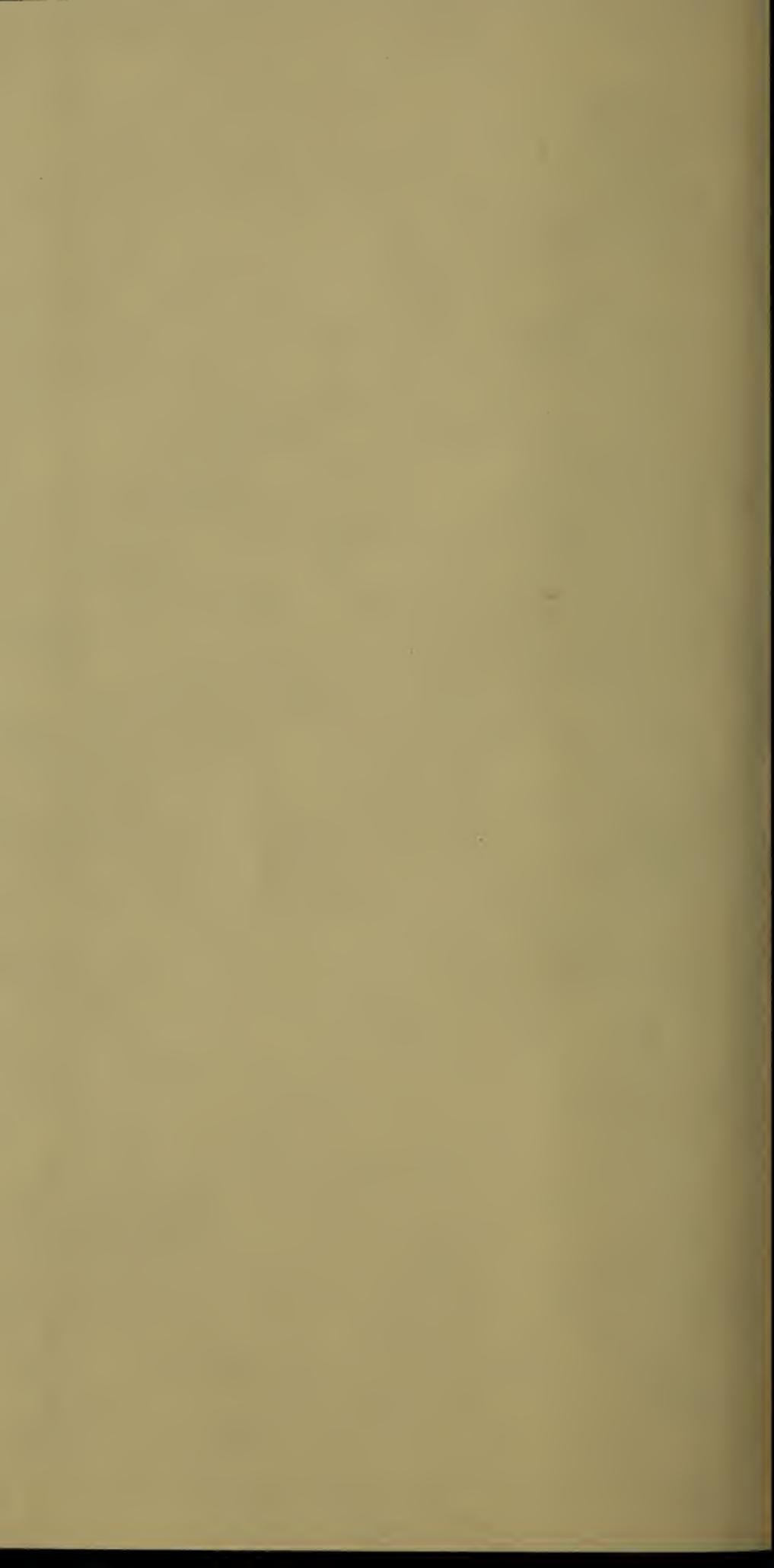

PG 3349
.U4 P6

1836

ПОЛТАВА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
С. Петербургъ 25 Іюля 1835 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

Pушкін, Александр Сергійович
Poетика
ПОЛТАВА.

ПОЭМА А. С. ПУШКИНА.

Вольный переводъ на Малоросійскій
языкъ.

Е. ГРЕБЕНКИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Воробьева.
1836 года.

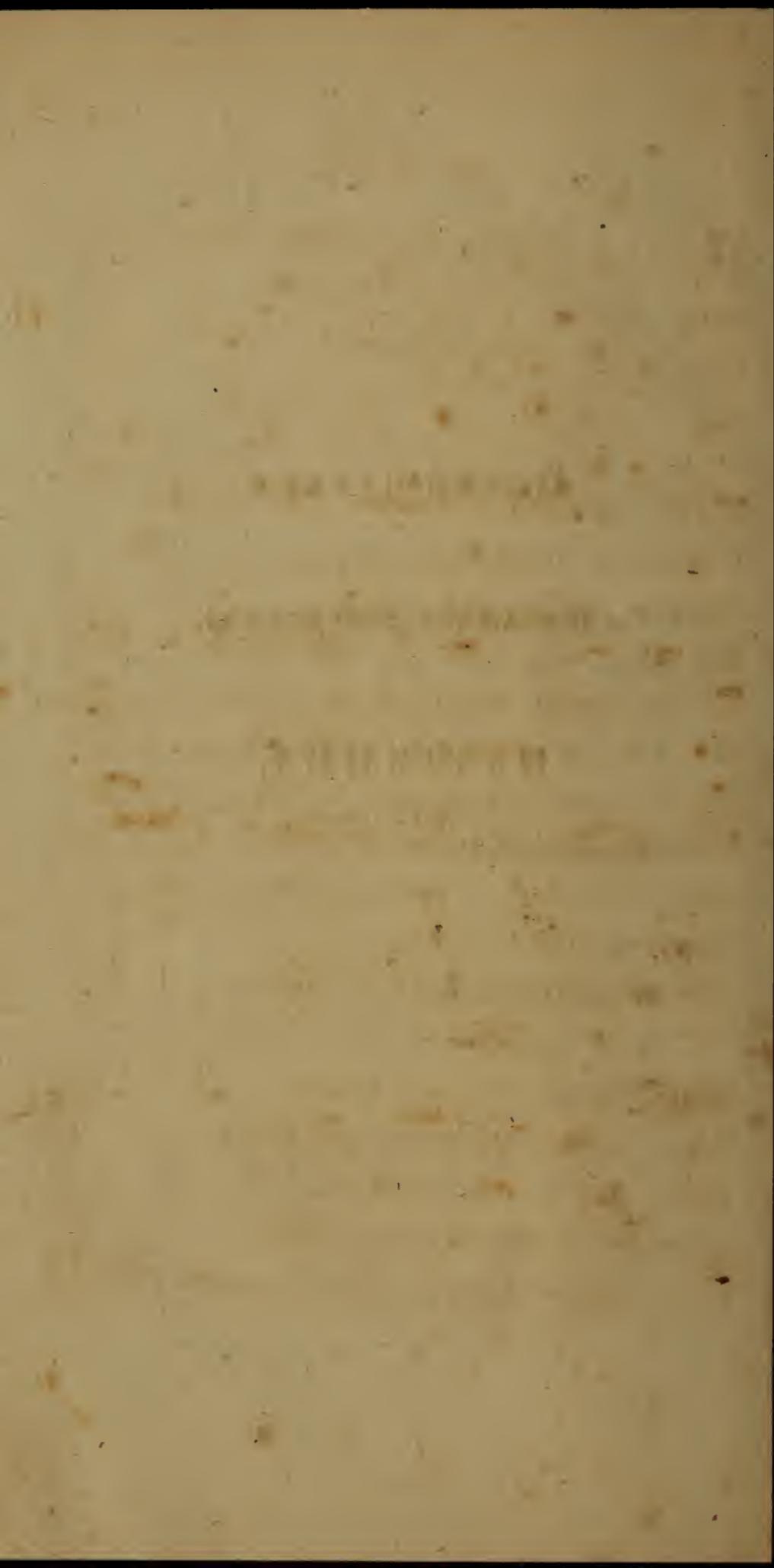
PG 3349
W 4 P 6
1836

THE LIBRARY OF THE STATE OF NEW YORK

ПОСВЯЩАЕТСЯ

АЛЕКСАНДРУ СЕРГЪЕВИЧУ

ПУШКИНУ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатый дуже Кочубей:
Іого ланамъ конця немае,
Іого отара скризь гуляе
Въ зеленимъ лузи безъ людей;
А лугъ ажъ стогне пидъ воламы,
Пидъ киньмы гарннымы й вивціамы.
Богацько у іого добра,
Отласу, хутра и срибла,
На видноци и пидъ замкамы
Та пышный Кочубей не тимъ,
Не довгогривимы конямы
Не батьківскими хоторямы,
Не злтомъ, бачите, якимъ
Іого що годъ дарує Крымъ;
Дочкою гарюю своею
Ты забогативъ Кочубею!

Тай правды ничего ховать,
Нигде нема Маруси ривни,
Вона мовъ квитка та дубривна,
Що тилько стала розцвітать;
Тополя буцимъ на могили,
Гинкій, та гнучій станъ премылій;

Якъ шумъ биле вся вона;
Кругомъ дивоцького чола,
Мовъ хмары, косы бованіютъ,
Якъ Макивочка — рить красie,
Очици — якъ зирки бlyщасть.
Вродливая! ни втять, ни взять.

Та не одною липотою
Маруся звисна стала всимъ;
А бильше разумомъ своимъ,
Витлывимъ серцемъ и цнотою.
За те моторныхъ женыхивъ
Сваты товчутся у порога,
Та щось винця, мовъ кайданивъ,
Лякается моя небога;
Всимъ молодимъ — гарбузъ якъ туть,
Ажъ ось сваты Гетьмана йдуть.

Старый винъ, спитканый війною,
Годамы, працею, смutoю;
Щожъ? духъ Мазепы закыпивъ,
И — знову Гетьманъ полюбывъ!
Хочь винъ до пелеха сидого

Изъ парубики молодого
Не перескочивъ, пережывъ.
Не сарна пидъ байракъ втикае
Орла почувши на спыни;
По синямъ Панна похожае,
И жде що скажуть: такъ, чы ни.

Ось выйшла маты, и зъ слозамы
Приголубливимы словами
За руку взявши каже ій:
«Брыдкий, мерзеный, глянь поганецъ!
Чы можно? ни паскудный ланецъ!
Гриха ты не збудуешъ, злый!
Тобибъ, якъ то ведется викомъ
Хрещеныцинимъ Батькомъ буть....
Іого черты у пекли ждутъ;
Винъ хоче буть ій чоловикомъ!»..
Маруся задрыжала, зъ рукъ
Зпустилась хустка шовковая,
Поблидши, нибы нежывая,
Упала дивка на рундукъ.

Хочь одыйшла вона, да знова
Зымкнула очи; ни пивъ слова

Некаже; батько, маты туть
Биля іи усе возыльсь;
Хрыстыльсь, плакалы молыльсь.
Воны того сердешни ждуть ,
Щобъ ій на сердци лехше стало,
Щобъ дытятко хочь закуняло.
Не туть було, два цилыхъ дня
Все мовчкы хлыпала вона ,
Ничого ни пыла, ни ила,
Опричь людей соби ходыла;
Тынялась утинка, якъ гычъ
Одъ витру гнется при дорози;
Було смутнесенъко небози,
Все рюмала, не третю ничъ
Лыха годынонька настала :
Іи свитлыща зпустковала.

Нихто незнавъ, колы вона ,
Пидъ ничку, сплыснула зъ двора ;
И тильки мовъ козацкій гоминъ
Ту ничъ въ саду рыбалка чувъ ,
Та въ ранци слизь на лузи бувъ ,
Що по роси скакалы кони.

Не тилько парубоцкый, чорный ,
Закрученый усь моторный,
Чаруе молодихъ дивчать;
А деколы й старого взглядъ ,
Що дывытся, мовъ сычъ зъ пидъ стрихы,
Давно забувши жарты й смихы ,
Знаходить не дивчыну, кладъ,

Не знаю якъ робылось тее;
А швыдко и до Кочубея
Такая звисточка дойшла,
Що позабувши Бога й соромъ ,
Іого дочка въ Гетьмайскій хоромъ
Якъ полюбовныця ввійшла.
Що тутъ робыть? и батько и маты
Соромляются выйтъ зъ хаты,
Не слухаютъ, що каже людъ.
Да якъ хрещенихъ обмануть?
Тогда усимъ, бачь, стало явно,
Чого збентежыла такъ марно,
Вона веселость лить своихъ ;
Чого тыхенько все здыхала
Й на залищањя молодихъ

Забаскальчывшись мовчала.
Чого въ беседи за столомъ
Вона все слухала Гетьмана;
Колы горилка шумовала
И чарка повнылась выномъ.
Чого все письни ти спивала,
Що винъ колысь компоновавъ,
Колы іого никто незнавъ,
Колы іого ще доля спала.
Чого, мовъ парубокъ, вона
Любыла висъко и коня
И гукъ и галасъ барабана:
Якъ тильки въ чистый степъ зъ двора
Блыхне бунчукъ и булава
Ясновельможного Гетьмана

Нивроку, мае Кочубей
Худибчину, мовъ и въ людей
Въ іого пріятеливъ багато,
Іому ничего, сидя въ хати,
Въ Пилтави смутокъ заплодыть,
Винъ здужа, Гетьману злодію,
Сриблохвилювастому змію,

У сердце нижъ загородыть ,
Винъ здуja, зduja.... да не тee
Лежить ка думци Кочубея!...
За билого Царя Петра
(: Колысь давно робылось дуже)
Винъ бувъ розумный, гарный, дужий,
Шмыглявъ, въ шатро изъ пидъ шатра
За трыдевять земель въ чужбыни:
Дывывсь на дывовыжи тамъ,
И те заводывъ въ Московщыни,
Що льготою було людямъ.
Попавсь небижчыкъ въ анацію,
Якъ Шведъ крутывъ, бачъ, веремію ,
Въ Москву славъ висъко видусиль.
Покы невывчывсь воеваты
Петро, тай давъ поганцямъ знаты!
Оддяковавъ за хлебъ, за силь.
Вершлягъ хочь шклянку розбывае,
Та штуку зъ крыщи выгынае

Карль постягавши Нимцivъ сылу
Бшовъ війною на Москву;
Змитавши Москаливъ дружыны,

Якъ выхорь пыль жене зъ долины
И на облози гне траву.

Тогда Украина мурмотала,
Мовъ литомъ бжилъ на сонци рій.
Вона до себе Карла ждала,
Щобъ волю давъ скорище ій.
Кругомъ Гетьмана обзываєсь
Негарный гвалть: пора! пора!
А все, здавалось, оставався
Мазепа вирнымъ до Петра.
Буцимъ не чуючи ничего
Гетьманъ ни на що не дививъ,
Цуравсь умысне одъ усюго,
Зъ бенкетамы, то що, водивъ.

«Щожъ Гетьманъ!» парубки гукалы,
„Чого винъ жде старый Іовтухъ?
Годы та праця зопсовали
У юго Атаманский духъ.
Чого жиночою рукою
Ище винъ носить булаву?
Теперь ушкварить бы війною
На ту ненависну Москву!»

Колыбъ старый нашъ Дорошенко
И Самойловичъ молодый,
Або Палій и Гордіенко
И-зъ козакамы стаły въ стрій;
Тогда въ снигу, въ лыхій годыни
Въ Москви не дохлыбъ козакы» . . .
И скризь по селамъ Украины
Рушали сотни и повкы.

Хто зайде въ ричку, якъ покрые
Изъ верху крыга ричку ту?
Хто зъ васъ пидлзы темноту,
Лукавого, хто врозуміє,
Ехидковату простоту?
Чимъ сердце у кого поганше,
Тимъ зъ выду винъ бувае краще.
Плохенький буцимъ ягныня,
Мазепа зъ дідусемъ товкуе
О старосвицкихъ, гарныхъ дняхъ ;
И зъ безталаннымъ самъ жалкуе;
Зъ бурлакамы соби мыркуе
Про волю, се то те плете;
Дивчатамъ меле про коханье ,
И зъ молодымъ про зальщенье,

Зъ дурнымъ розумну ричь веде.

Давно у пазуси пидъ бокомъ

Мазепа гадыну зогривъ ,

Та Кочубей орлячимъ окомъ

Ту злисть гадючу прослидывъ.

„Я соромъ свій и соромъ жинки

„Незакохаю межъ людей

(:Скргоча каже Кочубей:)

Я не займу твои будынки ,

Турьму Марусеньки моей

Ты не зпечешся на пожари,

Втечешь и шабельной кары

Тоби се трохы; ни въ Москви ,

Якъ выонъ выочысь въ клицахъ Москов-
скихъ,

Въ гарячій плывучы крови ,

Изкорчывшись одъ мука бисовскихъ,

Ты проклянешъ, той день и часъ

Колы дочку христывъ у нась ,

И беседу, де повну чашу

Тоби, я зъ чести, наливавъ ,

И ничъ, якъ голубъятко наше

Старый Шульпика заклювавъ!,,

Колысь то времячко бувало
Воны братецьки, мовъ, жылы;
У купи илы хлибъ чы мало,
Або ѹ вареную пылы.

Колысь, и на поли скакалы
Ихъ кони поручъ на невиръ ;
Дня не було щобъ не виталы
Воны одынъ другого двиръ.
Балакаючи зъ Кочубеемъ
Тогди Гетьманъ не постеригсь;
Бачъ закыдавъ на те, на сее,
Та въ дурни, ни-видсиль поstryгсь.
Теперь одно судья кохае,
Бажа умысне одного:
Дочку одъ лыха одваае
И ворога своего зволае,
Або издохне одъ юго.

Винъ злисть у сердци затаившы,
Прикинувсь буцимъ забувавъ
Свою биду; и дочку гирше
Передъ народомъ кепковавъ.

Але, промежъ ридни шукавъ
Соби товарыщивъ вирнишихъ.
И жинцы нышкомъ росказавъ,
Що на Гетьмана винъ доносить.
(: Мабуть самый нечыстый просить
Жинокъ до дила вербовать :).
Ни исти не дае ни спать,
Все шепче жинка Кочубею,
Домовыкомъ за нимъ лита,
Щобъ лысты славъ винъ до Петра,
Гарчыть съ докукою своею:
„Мабуть не зробыши? забожысь!
— Ну добрe, тильки видступысь
И винъ кленется передъ нею!

Помырковалы, погадалы,
Зробылы все, якъ добре зналы,
Зкомпоновалы лыстъ Петру.
Лыстъ на Гетьмана препоганый,
И Искра, Кочубей и Пани,
Що зналы, все мостылы туть.
Та хтожъ яснiйшому Цареви,
Московскому Государеви,

Папиръ сей вирно донесе?

Вродылось на биду усе:

Бувъ найкращый межъ козакамы
Одынъ ще молодый козакъ;
И сей зъ другими парубкамы
Гарбузъ изхрумавъ неборакъ.
Марусеньку кохавъ винъ дуже,
Про юго все було бай-дуже ,
Але про мылую гадавъ
И въ думкахъ ниченьки не спавъ.
Блукавъ що дня, або край ричкы ,
Або ховався у поричкы
Щобъ подывытся якъ вона
Зъ господы куды небудъ йшла.

Колыжъ межъ людомъ про Марусю
Негарный поговиръ литавъ,
Неперемигъ свою винъ душу ,
Про еи мовчкы жалковавъ,
А все кохать не преставъ.
И мъя пресучого Гетьмана ,
Мовъ жыдъ, якесь имъя Гамана,
Кусавшы чорный усь ворчавъ.

Хто мисяцемъ, та по зори
Закато скаче на кони?
Чій кинь, мовъ Крымкый хиртъ пид-
жарый,
Степомъ, такъ швыдко, прудко парыть?

Козакъ въ Московщыну летыть;
Козакъ ни есть, ни пье, ни спыть,
Ни въ чистимъ поли, ни въ дуброви,
Ни на дубу, ни на пороми.

Якъ скло, шаблюка такъ блыщыть,
Капшукъ у пазуси бряжчить;
Не спотыкавши съ кинь порсклыви^й
Бижыть, пуска по витру грыву.

Забавка шабля, молодцю,
Дукативъ, требажъ бачъ, гонцю;
Коня, соби въ пидмогу мае,
Та шапци грошей не зкладае.

Раднищый винъ за еи дать
Коня дукаты и булатъ;
Ии бъ оддавъ хибабъ якъ куля
Іого зъ коня навзынъ зыпхнула.

Чо гожь за шапку винъ крепыть?
— Бо въ шапци тій папиръ лежить,
Папиръ на лютого Гетьмана
Царю, одъ Кочубея пана.

Гетьманъ хуртовыны нечуе,
По своему усе мудруе.
Якійсь то старецъ, то чернецъ ,
Що вечеръ лизуть у дворецъ
И тамъ всю ничь, мовъ розбышакы ,
Або у вивчаря собакы ,
До свита билого гарчать.
Недобре щось воны товкують ,
Землею ридною торгуютъ,
Торгуютъ Богомъ и Царемъ
Зъ невирнымъ Шведскимъ Королемъ.
Поганьци, найметы Гетьмана ,
Видъ рички Ворсклы до Лымана
Пускаютъ межъ народъ ману ;
Заворушылысь Запорожци ,
Загомонилиы Чорноморци ,
Гудуть станыци на Дону .
Въ Очакови, земли Турецкій ,

Зыбдалась, щось не побретецьки,
Песиголовцивъ череда;
Въ Москви Король воюе Шведскій,
Гогоче Крымская орда.

Якъ же псяюха винъ злякався
Колы надъ нимъ ушкварывъ гримъ;
Колы іому зъ Москвы прыслався
Папиръ, зъ доносомъ тимъ самимъ,
Що на юго видсиль послалы.
Боярство изъ Москвы пысало
Ласкавый до юго прывить,
Такимъ сякимъ юго витало.
(Бо вовка за ягнятко мало.)
Такый и бувъ, и буде свить!
Самъ Царь Петро, вельможный, биіый
Муштрующы велики сылы
Насупротывъ Нимецкихъ висъ;
Въ смути не розыбравъ доноса
И нахвалявсь утерты носа
И выбыть зъ невгамонныхъ висъ.

Облывшысь темлимы слезамы
(Хочь мабуть теръ по пидъ очамы:)

Мазепа лыстъ Царю пысавъ,
И такъ юму слебезовавъ:
То бачыть свитъ и Госпидъ знае,
Що я Гетьманомъ 20 лить;
Цареве все, що я ни маю!
Й я теперь никчемный дидъ
Коверзовавъ бы ще про зраду?
Глянь що не вымудруе зло!
На що мини бентежить славу?
Хыбажъ не я то, Станиславу
Видказъ одризавъ на голо?
Хибажъ не я поклонивъ Хана
И Цареградскаго Султана
И чуть и бачыть не хотивъ?
Нежалуючи праци й крови
Изъ однои къ Царю любови,
Що разъ по переду повкивъ
Крышывъ паскудныхъ ворогивъ.
Хыбажъ не я? ., та що й казаты!
Теперь же юнъ юго я маты,
Не мене навелы туманъ!
Чого я не чувавъ изъ роду!
Мабуть изъ пальца смокнуть воду

И Кочубей и Искра Панъ!
Я зъ нымы жывъ якъ изъ братамы!.
И зъ прыкыдлывимы сліозами
Бажае смерти ихъ Гетьманъ!

Чого ты хочешь, песъкыи сыну?
Чого есы ты забажавъ?
Ты Кочубейскую дытыну
Хыба давно якъ обнимавъ?
Маруся! бидная Маруся!
Охъ, страшно, вымовыть боюся,
Колыбъ пизнала те, кого
Вона до сердця прыхыяле!
Про те вся Украина знае,
Одна не знаешь ты того.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ

Мазепа дуже щось смутный;
Стоить Маруся биля юго.
Винъ не балакае ничего,
Звычайно кажуть: самъ не свій.
Хочь що вона юго ѹ пытае,
Винъ, буцимъ то, не дочувае.
Мовчанка ѹ надопекла,
Ї дуже, дуже жалко стало,
Небога цыро зарыдала ,
И такъ казаты почада:

М А Р У С Я.

Чогось ты не зъ добра сумуешь,
Одъ мене утикаешь ты;
Мабуть погане щось мудруешь
Мабуть не любышъ сыроты!
Охъ, серденько не добре чуе,
И день и ниченьку болыть;

Не знаю, что воно вищуе,
А щось мене не весельть.
Дарма що въ ту... ты знаешь,ничку ,
Якъ погасывши въ хати свичку
Божывся викъ мене любить ;
Тогда.... якъ стала я твою ,
Якъ розриднылася зъ риднею,
Ты мусывъ, безъ мене не жыть ;
Теперь зовсимъ не тее дило
Мабуть тоби я надоила ;
Ты день — денычки въ сторони ,
Зызнався зъ Дульскою якоюсь
Ну одчогожъ, скажы мини ,
Николы ты передо мною
Про Дульску слова не сказавъ ?

М а з е п а

Воно! я й перше угадавъ !
Отце ты серденъко ревныва .
Зъ якогобъ, навиженный, дыва
Я за дивчатамы гасавъ ?
Хыбажъ отцій сидій, чупрыни
Дотепно кланялтся дывчыни

Не знаешь добрь ты мене !
Минется одъ дивчать охота,
Якъ въ голови сыдыть робота,
Та всяка думка шыю гне....
А ты, изъ дила злыдни робышъ

М а р у с я

Ты околесыщю городышъ !
Не хочу, вспражки роскажы.

М а з е п а

Ну слухай сердце, годи, годи,
Да що почуешь то мовчи:
Давно мы заварылы дило,
Теперь воно кыпить у насъ;
Годына гарная наспила,
Прокалатае швыдко часть.
Давно безъ батьковской славы
Мы, якъ волы, въ ярми жылы,
У подданстви, або Варшавы,
Або великои Москвы;
Возится годи зъ Москалимы,

Украйни царствомъ буть пора :
И я моимы козакамы,
Шпурну на моцного Петра!
Москалъ жахнется передъ намы
И може . . . буду я Царемъ . . .
Зъ собою за одно я маю
И Карла зъ Польскимъ Королемъ,
Княгиня Дульская оттая,
Та старецъ той, та Іезуитъ ,
Одъ ихъ до мене лысты носять.
Ну, е за що мене журить?
Оттакъ жинки що дня голосять;
А розпитай, сама не зна ,
Чого сталытся нависна!

М а р у с я

Ты будешъ Царь на Украини;
Якъ гарно на сидїй чупрыни
Засяе золотый винецъ! . . .

М а з е п а

Та почыкай, ще не конецъ ,
Богъ вись про те, що дали буде.

М а р у с я

Тебе вси поважаютъ люде,
На смерть за тебе, кожный радъ,
Ты крацый будешъ царь одъ Мыру
Тебе жде Царство,

М а з е п а

А якъ катъ?

М а р у с я

Пиду зъ тобою пидъ сокыру ...

М а з е п а

Марусе, рыбонько моя,
Марусе ты мене кохаешъ!

М а р у с я

Хто, я?

М а з е п а

— Еге.

М а р у с я

Хыба не знаешьъ!

М а з е п а

Дорожчый хто тоби, чы я
Чы батько?

М а р у с я

Годи серце мыле!

М а з е п а

Що, якъ бы люде присудылы,
Щобъ кого небудъ зъ нась убылы ,
А тыбъ обомъ була суддя;
Когобъ пустыла ты на муку?
За кимъ бы вспражки потягла,
За батькомъ, чы за мною руку?

М а р у с я

Геть угамуйся, глянь на себе,
Який страшный ты и блидный!
И въ пекло я пиду за тебе.

М а з е п а

Не забувай що кажешь ты!

Давно вже сонечко зайдло

За гору, генъ по той бикъ рички;
Ущухнувъ гоминъ, давъ Богъ ничку,
На двори тыхо все було.

Зиркы въ горахъ, мыгають, сяютъ,
Вода якъ чисте скло стоить,
Изъ хмары мисяцъ выплывае:
Усе мовъ золото блыщыть.

Билоцерквка, садъ Гетьманский ,
Будынокъ старосвицкий, паньский,
И ричка повная воды.

Ни що, нигде не зачастуе ,
Осыка лыстомъ не жартуе ,
Въ будынцижъ, е за те смуты:
Тамъ шепчуть тыхи речамы ,
Тамъ у свитлыци, за замкамы,
Въ заликахъ Кочубей сидыть;
И въ небо сумно винъ глядыть.

Уранци смерть, не ма винъ страху,
Бо смерть для праведныхъ покій.
Та мовчки якъ ыты на плаху,
Мовъ у ризныцахъ виль на бій,

ІІты на смерть за праве дило,
За те, що має ворогъ власть;
Весты прыятелия въ напасть,
Несты на муку, честь и тило!
Якъ винъ скалытымется смило,
Махне, и жаба цыщькы дастъ!...
И здумавъ Кочубей Пилтаву,
Семью веселу й козакивъ.
И писни дочки, й першу славу,
Беседу зимнихъ вечоривъ,
И те село, де винъ родывся,
Будынокъ батьковскій, старый,
Де винъ добро любыть зучывся,
Де писля праци мовъ покій,
Теперя треба все оставыть!
За що? про що?

А клямка стукъ;
Забрязкотило щось замкамы.
»Отце мабуть изновъ для мукъ
Иде Мазепа зъ наймытамы.»
Разъ, лусь замокъ: холодный питъ,
Удругий разъ: сыпнуло жаромъ.
«Ни, може то зъ христовимъ даромъ

Иде до мене честный пипъ."
Ось двери скрыпъ; сусиль до іого,
Мись панотця, зъ хрестомъ, святого;
Худенький, у очу дрибный,
Полыгачъ бисивъ, Орлыкъ злый.
На зустрічъ Кочубей мовляе:
«Мене ты знову мучыть маешь !

О р л ы к ъ

Не все казавъ, ты ще кажы

К о ч у б е й

Изгинъ маро, геть, пречъ бижы,
Покынъ мене.

О р л ы к ъ.

Однее дило

Намъ заразъ треба показать.

К о ч у б е й

Що показать? и такъ насылу
Я самъ на себе набрехать

Зумивъ , что вы мини казалы,
Чегожъ вы знову забажалы ?

О Р Л Ы К Т Ъ.

Мы знаемо изъ давнихъ лить
У тебе е клады зарыти ;
Теперъ ты оставляешь свить ,
Скажыжъ , твои де гроши скрыти ?

К о ч у б е й

Такъ ! мавъ и не одынъ я кладъ ,
Та вы зумилы одыбрать ;
Одынъ якъ кровъ мою смокталы ,
Навикъ одъ мене одтягалы ;
Той кладъ бувъ честь ; другой була
Дочка , одъ васъ же не втекла ;
За-знаю я ту ничь прокляту ,
Якъ осоромлялы вы хату .
А третій кладъ въ души сыдить ;
Винъ мусыть зъ Богомъ говорить . . .
То вичне безголовье кату .

О р л ы к ъ

Покинь не вись що городыть,
Старый та дурень, глянь на небо,
Оттамъ ты будешъ завтра жыть,
Кажы де гроши, те намъ треба.
Чогожъ замовчавъ?

К о ч у б е й

Наймытъ злы!

Робы що хочъ, та згынъ швыдчий.
Дай хочъ лягты у домовыну,
Навики очи дай закрыть;
Тогда, беры мою дытыну,
Иды и зъ нею скарбъ личить,
Бижить кривавымы рукамы
Ломать коморы и зъ лохамы,
Беритъ и злoto и срибло.
Дочка вамъ схованки покаже,
Где, якъ лежыть, мое добро,
Вона все зна, и вамъ роскаже.

О р л ы к ъ.

Сховавъ де гроши, покажы!
Не хочешь? гроши де скажы.

Ты швыдко заспиваешь враже!
Кажы, де зхоронывь ты кладъ?
Мовчышъ? Га? що? а ну лышъ катъ!
И катъ прышовъ

Лыха година!

А дежъ Мазепа песький сынъ,
Де винъ поганая лычына?
— Балака про себе одынъ,
На лижку сыдячы Маруси.
Мовъ гадъ юго кусае душу,
А въ голови, нечиисте все
Невись якъ разумомъ мутуе:
«Хочъ такъ, хочъ сякъ, а треба се,
Хай ворогъ до чортывъ мандруе!
Та якъ Марусенъка знese,
Колы про смерть отца почуе!
А бильше ничего вылять,
Въ мишку, не заховаешь шыла
Мини тебе хочъ жалко мыла,
Биды не можно одволать.
Уранци завтра, въ Украини,
Вси, видъ старого, до дытыны

Про смерть судьи загомонять....
Зробыть хто хоче певис дило
И незатопты душу ѹтило,
До себе жинки не маны:
Бо зъ роду, зъ вику не чувалы,
Щобъ колы небудъ у ярми ,
Хочъ бы возылы, хочъ оралы,
Укупи виль и козыня!»
А мисяць бѣсь изъ за викна.
Мазепа гулькъ; Маруся спала.
«Лкъ тихо, гарно спыть вона ,
Бо ще про лыхо не пизнала;
А завтра!» и паскудный гадъ
Видъ еи очи выдвертае,
Встае, зъ свитлыци выповзает
И шамотить у темныї садъ.

Давно вже сонечко зайшло
За гору, генъ по той бикъ ричкы;
Ущухнувъ гоминъ, давъ Богъ ничку ,
На двори тихо все було.
Мазепа выбывся изъ моци,
Въ душижъ Мазепы щось страшне,

Зла думка, думку злу жене;
Іому здается, зирки ночи,
Мовъ Бога праведного очи,
На юго карою глядять,
Й тополи ростучы у рядъ,
Тыняючыся головамы,
Про юго де що шепотять
Недовидомимы речамы.
И литня пічь юму душна,
Буцимъ пидземная турма.

По малу небо занималось
И край юго почервонивъ;
Все ворушылось, все рушалось,
И лисъ и степъ заблыскотивъ;
Уже й пташки защебеталы,
Годына враншиня настала,
Хрещеный людъ загомонивъ.

Маруся ранкомъ ще куняла.
Кризъ сонъ вона не разыбрала,
А чула, не одна була:
Ии за ногу щось будыло,

Вона очищи видвела
И зновъ зажмурывшись закрыла,
Бо свить зовсимъ ихъ засновавъ.
Зъ просинокъ дивка потягнулась,
До-долу зъ неи кылымъ зпавъ.
«Се ты Мазепо?» и жахнулась:
Другу ій мову хтось казавъ.
Розкрыла кари очынята,
Здается передъ нею маты!
«Хто се такый?»

М а т ы

Мовчы, мовчы,

Не зкампуты нась, я въ ночи
Сюды прошылась нибы муха,
Тебе щобъ тильки ублагать,
Щобъ у Гетьмана одволать
Смерть батькови, ой доню слухай!
Зрятуй іого!

М а р у с я

Що? батько ... якъ?
Якая смерть?

М а т ы

Хыба не чула!

Хыбажъ се лисъ, або байракъ?
Ты, бачу, нась зовсимъ забула!
Ще межъ народомъ ты живешъ,
А не денебудь середъ степу ;
Катуютъ батька, ты зовещъ
До сбѣ гаспыда Мазепу!
Бижы мерщій, молы юго,
Щобъ одпустывъ отца твого.
Очумайсь дочки, пизно буде!
Зырны, збираются вже люде!
Тебе послуха Гетьманъ злый,
Для юго соромъ ты забула,
Ридню и Бога и покій
Навикъ згубыла....

М а р у с я

Що я чула?

Лыха годынонька моя !
Катують батька, Гетьманъ, маты
Передо мною тута въ хати;

Чы зъ глузду зсунулуся я?
Мана се чы що? . . .

М а т ы

Госпидъ зъ намы . . .

Се не мана, передъ очамы
Твоимы, матинка твоя.
Чывжежъ сіого ты не чувала,
Що якъ видъ насть помандровала,
На звирость ворогамъ якъ зnavъ,
Царю твій батько на Гетьмана
Про дещо певне одпysавъ.
Що въ мукахъ катержныхъ бидашний
Сказавъ: что зъ дуру, врагъ зна на що,
Винъ несенитныцю брехавъ.
Гетьману Царь іого oddавъ,
Й передъ громадою людскою
И старшиною військовою,
Іому Гетьманъ — боюсь казать —
Зыбрався.... голову отять!

М а р у с я

О мылый Боже! мало, душко!
Якъ порятую батька я...

— И дивка блыснула въ подушки,
Зовсимъ, мовляютъ, якъ мерцвя.

Спысы блыщать, шапки рябіють ,
Быуть талымбасы. Сердюкы
По полю скачуть, скрізь повкы
Ривняются. людъ гомоніе;
А шляхъ, мовъ той гадючый хвистъ,
Знай крутится, та все хвылюе.
На выдшыбъ у степу помистъ,
По юму ходячи жартуе
Зъ народомъ катъ, жде бидніхъ винъ;
Усе змишалось въ гвалтъ одынъ,
Жиночый крыкъ и людскій гоминъ.
Якъ ось гукнулы: Панъ Гетьманъ !
Ущухло поле, тилки кони
Закопотили тамъ то тамъ.

Въ середыни межъ Сердюкамы,
Вельможный Гетьманъ зъ страшныамы
Скакавъ на чорному кони;
А генъ! по Кіевскій дорози
Тряслыся бендюги. Въ тревози
Туды вси очи навелы ;

То горопашныхъ ихъ везлы.
Тамъ, Искра й Кочубей сыдилы
Чужи одъ мыру одъ земли;
Въ останній разъ на свитъ глядилы.
Ось поиздъ ставъ и заревилы
Попы Соборомъ одходну:
Зъ кадыльныць, наче смертью віе,
Усе запложуе суму ;
Мовъ хмара, дымъ кругомъ сывіс.
Тыхенько молится весь людъ.
Нещасныхъ, вже на смерть ведуть,
Зыйшлы и прихыльвсь на плаху
Перехристывшись Кочубей,
Якъ варомъ облыло людей.
Сокыра свыснула зъ розмаху
И заскакала голова,
Все поле ойкнуло видъ жаху;
Друга, за неюжъ скаче зъ плахы,
Покривавылася трава...
И катъ поганою рукою
Обыдви за чубы поймавъ ,
И ихъ пиднявши надъ собою
Въ останнѣ людямъ показавъ.

Капутъ бидахамъ. Народъ Божий
Балакаючи йде назадъ.
Про урожай, про дощъ погожый,
Про сусидокъ бабы ворчать.
По троху ридчало все поле;
Ажъ ось два жинки черезъ шляхъ
Побигли шпарко, у очахъ
У ихъ було велькое горе;
Вы опизнылысь! хтось сказавъ
И въ поле пальцемъ показавъ;
Помистъ дощаный тамъ ламалы,
Молывся въ чорнихъ рызахъ пить,
И вже на бендюгы стягалы
Два козакы зализный грибъ.

Одынъ по переду старшинъ
Гетьманъ скакавъ соби до дому,
Словечка не казавъ никому,
Про себе мырковавъ одынъ.
Не добрій буть тоби годыни!
Іому въ нутру хтось шепотивъ —
И чорный кинъ въ питу и въ пиши
Но в заводы въ двирецъ влетивъ.

Маруся де? Гетьманъ пытае;
Ни те, ни се юму ворчать.
Винъ у свитлицю — тамъ не мае;
Бижыть Мазепа прудко въ садъ,
Марусю калыче и гукае;
Якъ лысь по стежкамъ покотывъ;
Все вышатырывъ, обходывъ,
Шарнувъ у теренъ, зазырае
Въ кущи, крый сажалки, не мае!
Клене Гетьманъ свій ридъ и плидъ,
Марусынъ захолонувъ слидъ.
Скризь кони по шляхамъ заржалы;
Гонци Мазепы поскакали
Туды-й-сюды, куды хто знавъ,
Куды хто на швыдку попавъ.

Нихто ни бачывъ ни чувавъ,
Колы вона зъ двора выльнула.
Мазепа мовчкы скреготавъ,
Вся дверня зъ ляку шыю гнула;
Гетьманъ въ свитлицю зачинывсь,
Не спавъ цилисенъкои ночи,
Іого зорылы страшно очи,
Винъ дуже побывавъ, томывсь.

Вернулись вранци изъ погони;
Еле жыви булы ихъ кони ,
Вся зброя : сидла , нагайки ,
Мовяльвъ , пидпругы й уздечки,
Було все пиною облыте ,
У кривъ помазане , побыте.

А про Марусю не прывизъ
Ни кто ни яку кажуть звись.
Буцимъ іи зъ земли не стало,
Покынула мовъ дивка мыръ.
Безъ неи маты пропадала ,
Зъ бидою горе коштувала
Въ чужбыни — що зовутъ Сыбиръ.

ПѢСНЬ ТРЕТИЯ.

Щобъ краще одурыть Петра
Прыкынувсь хырявимъ Мазепа.
Вси знахори , хто изъ шатра ,
Зъ Нименщыны хто , зъ лису, зъ степу ,
Вси панькалы биля юго.
Винъ дывыться у домовыну ,
На юго груды и на спыну
Набгалы врагъ знае чого ;
Коржамы тимъя облипцы ,
У хати ладаномъ кадыцы .
Цураючысь видъ у сіого ,
Бажавъ винъ тильки одного :
Щобъ такъ умерты якъ хрещеный .
Архіеря винъ зове ;
Й поголови юго мерзеній ,
Святее муро скризь пльве .

Московщина все Шведа ждала
Чы Швыдко въ гости прычвала ,
И мовчкы висъко зобирала ,

Щобъ певно прочухратъ зъ двора.
Тогда пизналы злу лычыну :
Дременувъ Карлъ на Украину ;
Мазепа мытью зъ лижка вставъ.
Той, що пять разъ вмиравъ учора
И еле ворушывсь, канавъ,
Теперь, іому не мае горя ,
Винъ ставъ Петрови ворогъ злыи ,
Не ма винъ страху за плечима ;
Блескоточы кругомъ очыма
Обзырюе Козацкий стрій.

Скрызъ сяя вистка полетила.
Украина заклекотила :
Мазепа Москалю зминывъ ,
Винъ ставъ теперь полыгачъ вражий .
Не гарная зыйшла зоря
Зоря кривава.

Хто роскаже
Всю злисть правдывую Царя ?
Гетьмана увесь людъ кепкуе ,
Іого облычья катъ шматуе
А душу у церъквахъ кленуть ;

На ради кожный коверзье
Гетьмана иншого добуть.
Видъ рички , кажуть , Енысея
Увесь ридъ Искры й Кочубея
Назадъ якъ мога прывезлы.
До дому , ихъ Петро вертае ,
Срибломъ и злотомъ обсыпае.
Видтиль , зъ тыенижъ пакъ земли ,
И Палія притеребылы ;
Винъ не любывъ , крый Боже мылый !
Якъ не любывъ Мазепы винъ ,
Якъ дуже на юго сварывся.
На шыбеныци не одынъ
Моторный парень опынився:
Изгынувъ Чечель мовъ блоха ,
Да и вельможного бачъ Пана
Изъ Запорожья Атамана
Щось доля не була плоха.

Коханецъ війсковои славы
Синіокаптанковатый Шведъ
Надвынувъ на степы Пилтавы;
Петро тудыжъ повивъ передъ.
Насупротывъ воны посталы ,

Якъ треба військо вгамовалы,
Все пидъ мушкетомъ ни белмесь.
И бачить Карль , зовсимъ не тее ,
Тутъ не рушене висковее,
Не Нарскихъ бачыть неотесь ;
Тутъ висъко все було одбирне
Въ строю и пишее и кинне,
Штыкивъ блескучихъ цилый лисъ.
И винъ сказавъ : »ось завтра вранци
Я вамъ Москалькы , поганци
Цыбулькы пиднесу пидъ нисъ .»
Ничъ свить обкутала собою ;
Москаль и Шведъ уже хропе.
Генъ пить полаткою одною
Щось то шушука , то гуде.

М а з е п л .

Послухай Орлыкъ , ни , я бачу ,
Що тута добре обмыльвсь !
Зробывъ безъ глазду , на удачу ,
Изъ Карломъ рано подружызь ;
Винъ хлопецъ , нiblyто проворный ,
До ризаныны геть моторный ,
Регочется протывъ гарматъ ; —

Та не юму, мини здается,
Петра посмыкать доведется,
Петро — ему не пани-брать.
Карль прындытся, да упьруе,
На долю все свою кладе,
Про Нарву тилки и товкуе.
Че знаю, якъ намъ припаде,
Соромляюсь, та що робыты!
Здуривъ и я, на стари лита
Кругомъ себе оцырклювавъ.

О р л ы къ

А ябъ не такъ оце казавъ;
Подождемо кинца мы дилу,
Якъ поскубемъ Цареву сылу,
Дамо замирье Москалю.

М а з е п а

Ни, пизно вже теперь Царю
Зо мною братику мырытся,
Не те въ души моїй сыдить;
Давио мій духъ на юго злытся
И серце ные и кыпить.
Въ ночи — Азовъ якъ воевалы —

Зъ Царемъ у ставци мы гулялы,
Зъ юго бояръ тутъ де хто бувъ ,
Я не до шмыгы щось белькнувъ :
Злякалысь гости, обомлилы,
Царь зъ серца чарку упустывъ
И за отци усы били
Мене, чы чуешь!—ухопывъ!
Замовчавъ я, зыгнувшы спыну
У грудяхъ злисть мою здавывъ;
Ии, мовъ маты ту дытыну,
До сюого часу доносывъ.
Теперь, нехай соби литае,
Ии не треба хоронить!
Я знаю, якъ Петро бажае,
Щобъ зновъ мене за усь водыть.
Та ще побачымъ хто зволае ,
Кому тикать; колыбъ зоря! ...
Сказавъ , и очи зачыниле
Израдчицъ билого Царя.

Давъ Господъ свитъ, наставъ день
бильй,

Блыснула на трави роса.
Ревуть гарматы; дымъ пресывый

Геть, геть, пишовъ пидъ небеса,
Повкы ряды свои зымкнулы,
Стрильци шатырять по терну;
Черкаютъ ядра, свищутъ кули;
Зъ штыкивъ збудовано стину.

Извыкши зъ малку побываты,
Знай лизуть Шведы на гарматы;
Мовъ выхоръ конныя летыть,
Пихота швендяе за нею.
Все поле якъ огнемъ горыть,
Ничуть ничего за ризнею,
Скризь гвалть, зыкъ, галасъ, скризь гре-
мыть.

Ажъ ось, куды намъ лучше стало!
То тамъ, то тамъ втикае врагъ:
У сutoчки давъ Розенъ драла,
Издавсь сердега Шлипенбахъ;
Синіокаптанныкивъ здавылы,
Богацъко склызло ихъ значкивъ.
Самъ Богъ давъ Москалеви сылы,
И ихъ царя и праве дило
Святый зъ небесь благословывъ.

Межъ висъкомъ моцио щось гукас

Почулы речь царя Петра:
»За дило зъ Богомъ.« изъ шатра
Винъ самъ зъ боярствомъ выхожае,
Мовъ матка зъ роемъ вылитае.
Цереви пидвельы коня,
Винъ сивъ; кинъ огыремъ гарцюе,
Стрыба, на взаводы басуе,
Кача въ середыну огня.

Уже обиды; сонце гріє;
Ущухла трохи гуркотня.
Не де козакъ зачервоні! . . .
Нема ни дыму, ни огня.
Агу! все поле заревило. . . .
Скризь обызвалося ура;
Повкы побачылы П Е Т Р А,
За нымъ бояре копотилы,
Чоло Москвы, одынъ въ одынъ:
И Шереметьевъ благородныи,
И Брюсь и Боуръ и Репицъ,

Генъ передъ Шведамы своими
Карль изъ носылокъ выглядавъ;
Винъ лупавъ, мовъ сова, очима,
И щовъ пыльненько сумовавъ.

Не залюбывъ небижчыкъ кули,
Іого що вранци пидоцькнулы!
Рукою мовчки винъ кывнувъ
И на Петра повкы пужнувъ.

Зыйшлося військо, зновъ на поли;
Трещать, бряжчать, шаблюкы голи,
Гримъ изъ гарматъ заклекотивъ,
Зъ гвынтивокъ кули засвытилы;
Заржалы кони, захропили.
Уручъ схопылыся повкы,
Москаль и Шведъ и козакы;
Якъ дрова народъ такъ крышилы;
Шпигалы пидъ бокы штыкы,
Межъ людомъ ядра заскакалы,
Видъ крови людкои шкварчалы,
Кругомъ ревило та гуло.
Прямее пекло тамъ було!

Усе старство виськовее
Якъ мога на поле глядить.
Хто бьется дуже, хто не тее,
Хто драла давъ, а хто стонить,
Кому пислать пидмогу треба,
Кому ыты куды пора,

Про те балакают межъ себе.
Биля Московского Царя
Стоить дидъ, дуже, дуже сывый;
Коныченько хвылясто-грывый
Іого до виська не несе.
Пидъ руки , два ѹого держало,
Набилый свитъ дывывсь винъ мало;
Для ѹого повмиralo все.
Палій! Сыбирь тебе зсушыла!
Уже на жакъ твій козакы
Не позбираются въ повкы ;
Захляла молодецъка сыла !
Чогожъ винъ такъ замызковавъ ?
Чого винъ ставъ темнишъй ночи ?
Чого такъ страшно свитять очи? —
Оце Мазепу винъ пизнавъ!
То ворогъ, серце заболило,
Свій рикъ, свое не моцне тилю
Мабуть у перше винъ проклявъ.

По середынци Сердюкивъ
Та денеякихъ козакивъ
Мазепа ходячы сумуе.
Иzzаду выстриль; винъ зырнувъ,

То Войнаровский такъ лыгнувъ,
Въ юго рукахъ мушкетъ дымуе,
А недалечко, молодый
Козакъ, въ пылу въ крови валявся ;
Почувши волю кинь порский ,
Геть степомъ, выбрыкомъ побрався.
Козакъ на Гетьмана скакавъ,
Юго убыть козакъ бажавъ.
До юго Гетьманъ пидъижжае
Чогось у юго ще пытае ,
Та пизно вже пытать теперь ;
Козакъ мовчить, козакъ умеръ!
Изъ любыщъ загубывъ винъ душу,
Зъ любкивъ и голову поклавъ,
Бо мья коханее Маруси
Вмирающы ище шептавъ.

Настала гарная годына
Пъятамы Шведчинъ накывавъ,
Москаль у трышія погнавъ;
Дала до лясу Нимцивъ сыла,
За ными конныца пира,
Шаткуе на-здогинци коле.
Видъ крови червонie поле,

А мертвихъ, скрізь лежыть гора.

Петро на радощахъ гулле.

Винъ Шведивъ плинныхъ самъ витае ,
Витае и бояръ своихъ,
И чарку повну нальвае
Мовлявъ — «за Спекторивъ моихъ!»....

Та дежъ той Карлъ, що въ гости ждалы,
Кого, мовъ щипку обчухралы,
Чому до гурту винъ нейде?

— Не ма бо тутъ іого нигде:
Король, у купи и Мазепа,
Далеко парють середъ степу ,
И вавку Карлъ свою забувъ;
Якъ мога день и ничъ чухрае ,
Насилу челядь зъ нымъ зъижжае.
Такъ зъ пидъ Пилтавы винъ дмухнувъ !

У Карла зъ боку Гетьманъ скаче
Кругомъ очима обзыра.
Гулькъ, хуторъ у степу побачывъ ;
Ушкварывъ прудко край двора ,
Щось буцимъ-то іого злякало.
Безъ народу, стоявъ той дверъ

Де перше вешталось чымало;
Знай витромъ хвирткою качало ,
И садъ ставъ, сказано, пустырь.
Пизнавъ будынокъ ты гадюко
Де заплодывъ и смерть и муку?
Хочь перше й весело було ,
Де ты гулявъ, неразъ, поганый
Де чарку пывъ въ беседи гарній,
Ховаючи свое жало ;
Покы до того не влестывся,
Що зло компоновать пустывся:
Дытыну у ночи укравъ
Одъ батько ридного.... пизнавъ?

Скрызъ хмары небо застылаютъ ;
Ночна доба. Била Дніпра;
На берези соби кунають
Невирни ворогы Петра.
Забувши військо и Пільтаву,
И Москаливъ велику славу ,
На спорыши Карль гарно спавъ.
Та сонъ Мазепу облитае,
Покій видъ іого утикає ;
Іому все все жарко , винъ стогнавъ,

Ажъ чуе, хтось іого позвавъ;
Зырнувъ.... изъ ляку затрусывся,
До іого блызъко хтось схымывся.
Обшарпана, худа, блидна,
Дивоцьку косу розпустыла ,
Очыма, нибы звиръ свитыла ,
Нагнувшись передъ нимъ вона,
«Що се таке? се ты Маруся?

М а р у с я

Мовчы, почують нась боюся,
Тыхенько шепоты теперь,
И маты ѹ батько мій умеръ !

М а з е п а

Та що ты мелешъ, Богъ съ тобою,

М а р у с я

Послухай, що воны зо мною
Хотилы заразъ изробыть!
Якъ мусылы мене дурыть!
Куды втикатъ въ такую пору?
Куды диватъся зъ поговору?
Якъ речъ скаженыхъ зупыныть?
Вона мини теперь казала,
Що батька вже мого нема;

Іого я голову держала ,
Да то не людська голова . . .
А вовча, бачыши якъ дурыла
Вона Марусю, чуешъ ты!
Щобъ не гадала, й не хотила
Зъ тобою серденько втекты?
Чи можно?» Гетьманъ мовчы слуха
Що дриботыть іому вона.
Извновъ не перевивши духу
Вона казаты почала:
»Я знаю празныкъ, тыскъ, народу
И мерцвякы, якого зброду!
Туды я зъ матирью ышла.
Та дежъ ты бувъ? зъ тобою ризно
Нужуся далеби що я!
Ходимъ до дому, глянь якъ пизно . . .
Скрутылась голова моя;
Тебе, я мала за другого ,
Ты старциога, який страшный!
Ни, гарний бувъ Мазепа мій,
А ты, такъ здавесь на черта злого.
Въ юго очу якъ жаръ любовъ,
А речи видъ огню жарчищи.
Видъ снигу усь юго билищый,

А твій помазаный у кровъ.»
И зъ реготомъ завизкотила,
И мовъ лыхый іи злызавъ.
Мазепыне трусылось тило,
Іого цыганьский пить проньмавъ.
Мовъ смертью на юго չопнуло,
За шкуру снигомъ мовъ сыпнуло,
И волосъ шапку пидсувавъ.

Изсклызла ничъ и небо сле;
Ось швыдко сонечко бlyсне.
Шведъ не хропе. Доба другая
Изнову на коня жене.
Потраву козакы варылы,
А генъ, на берези Дніпра,
Драбанты коныкивъ поилы.
Прокынувсь Карль: ого, пора !
Вставай Мазепо, вже свитае..»
А винъ, давно, давно не спыть;
Туга ввесь духъ юго зпирає
И серце теплее крушыть.
Винъ мовчкы чорного сидлае;
За Королемъ покопотивъ —
И очи Гетьмана бlyщалы,

Колы воны перескакалы
Конецъ украинскихъ степивъ.

Уже сто лить перевернулось,
Якъ се робылось на земли.
Давно и племя тे мынулось;
Сыны шукать батькивъ пишли.
Рушенья висъкового славы ,
И ризаныны и побидъ,
Якъ дымъ пропавъ червоный снайдъ.
И тилько ты Сподарь Пилтавы,
Межъ людомъ моцной державы,
За те вси дякуютъ тоби,
Втявъ грану памъятку соби.

Де витрякивъ окиль крылатый
Бендеры мовъ обгородывъ,
Де бродять буйволы рогати
Межъ дуже давнишнихъ гробкивъ;
Тамъ видно цеглы ворохъ цилый,
Та цегла мохомъ поросла.
И кажуть, що отъ видтиля
Король, до дуру дуже смилый,
Всю челядь пидъ мушкетъ зыбравъ
Въ останнѣ зъ Туркомъ жартовавъ.
А про Мазепу ни пивъ слова

Ни одъ кого и тамъ нечуть,
Іого заклекотила путь;
И тильки, бачъ, що годъ то знову
Въ церквахъ Анаөему кленуть.
Да е святая та могыла
Де Искра и Кочубей лежать;
Ихъ церковь зъ мыромъ скоронила.
Цвите въ деканьци цилый рядъ
Дубивъ, воны пидъ часъ шумлять
Унукамъ, якъ дидывъ згубили,
Бо прыятели ихъ садылы
Тогда на памъятку у садъ.

А дежъ дочка? — нихто не знае;
Нонречуть еи ни словця.
Нихто не зна іи конця.
Хыба въ сели якъ старецъ грае
На кобзи, всячыну брыньчить,
Про еи писню заспивае:
Кругомъ козачество ажъ кышыть;
Сліозкы въ очахъ дывчачихъ сяють,
Чубамы парубкы кывають,
И дидъ насупывшись сыдить,
Згадавши стародавній свитъ.

Цѣна 3 рубли

Deacidified using the Bookkeeper process.

Neutralizing agent: Magnesium Oxide

Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies

A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive

Cranberry Township, PA 16066

(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

0002528642A

